

уровне первичного анализа дают представление о значительном объеме отложившихся материалов и ценности содержащейся в них информации. Сохранившиеся документы позволяют проследить особенности истории Самарского края в контексте истории страны через жизнь и деятельность незаурядных людей.

Состав документов разнообразен и определен фондодержателями, передавшими их на государственное хранение. Тем не менее можно проследить общие структурные составляющие фондов. В их числе можно назвать такие группы документов, как личные документы, документы служебной и общественной деятельности, в том числе научной, преподавательской и творческой, материалы о награждениях, праздновании юбилеев и знаменательных дат, авторские рукописи, публикации и документы, собранные фондодержателем, публикации, посвященные самому фондодержателю, переписка, письма и публикации с дарственными надписями, изобразительные документы, документы членов семьи. Каждая группа документов обладает и отличается от прочих своей информационной емкостью, ценностью, значимостью. А в совокупности материалы фондов личного происхождения дают не только представление о жизни и деятельности конкретного человека, его месте и роли в историческом процессе, но и является ценной частичкой, из которой складывается история страны.

УДК 930.2

DOI: 10.18287/978-5-6049622-0-6-2023-43

*Сафонов Д.А.*¹

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ «ПОКОЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ»: ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ²

(г. Тамбов)

В статье анализируются возможности использования источников личного происхождения для изучения поколенческой истории, а предметно – «поколения революции». Созданный автором каталог воспоминаний

¹ Сафонов Д.А. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, d_safonov@mail.ru

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132 <https://rscf.ru/project/22-18-00132/> «Поколение “революционного перелома” в судьбе российской деревни первой трети XX века».

участников и современников революционных событий начала XX в. в Оренбуржье, дополненный данными об иных личных документах (автобиографии, письма и т. д.), находящихся в архивах Оренбургской области, обеспечивает информационную базу для последующих исследований. Сохранившиеся источники представляют собой естественную выборку. Возможность использовать их все обеспечивает доказательность выводов и наблюдений.

Ключевые слова: источники личного происхождения, «поколение революции», «поколение революционного перелома», архивные коллекции.

*Safonov D.A.*¹

SOURCES OF PERSONAL ORIGIN OF THE «GENERATION OF REVOLUTION»: PROBLEMS AND TASKS OF STUDYING² (*Tambov*)

The article analyzes the possibilities of using sources of personal origin for the study of generational history – specifically, the «generation of revolution». The catalog of memoirs of participants and contemporaries of the revolutionary events of the early twentieth century in Orenburg region created by the author, supplemented with data on other personal documents (autobiographies, letters, etc.) located in the archives of the Orenburg region, provides an information base for subsequent research. The preserved sources represent a natural selection. The ability to use them all provides evidence for conclusions and observations.

Keywords: sources of personal origin, «generation of revolution», «generation of revolutionary turning point», archival collections.

Мысль о том, что стоит изучать историю через изучение поколений – т. н. «поколенческую историю» – высказал в начале XXI в. известный ученый Теодор Шанин³. Он полагал, что без понимания изменений, которые наблюдаются в сменяющихся друг друга поколениях, невозможно должное понимание историческо-

¹ Safonov D.A. – Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher, Tambov State Technical University, Tambov, Russia, d_safonov@mail.ru

² The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132> "Generation of the «revolutionary turning point» in the fate of the Russian village of the first third of the XX century".

³ Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6-25.

го развития. И в самом деле, например, крестьяне времени крепостного права и крестьяне пореформенного периода – в равной мере земледельцы, практически с неизменными взглядами и ценностными ориентирами («земля и воля»). Но при этом никто не отважится поставить между ними знак равенства. Естественен вопрос о том, что надлежит понимать под «поколением». Согласно «теории поколений» В. Штрауса и Н. Хау, это определенная возрастная группа людей, выросших в одинаковых исторических условиях и потому склонных разделять определенные убеждения, ценности, модели поведения¹. Приблизительно в то же время отечественный социолог Ю.А. Левада заговорил о «поколении революционного перелома»². Под «революционным переломом» он понимал исторический период примерно от 1905 г. до 1930-х гг., когда в стране происходили революционные события, войны, расцвет и закат Серебряного века русской культуры. Включение в «перелом» таких в чем-то разнородных понятий мы полагаем связанным с неисторичностью мышления социолога и политолога. Соответственно, к поколению этого перелома Ю.А. Левада относил активных участников и «жертв» переломного периода, родившихся примерно в 90-х гг. XIX в. Подобная детализация мало что давала для понимания вопроса; мы склонны полагать, что само определение было достаточно условным, примерно таким же, как «поколение коллективизации», «поколение войны», «поколение шестидесятников». Иными словами, акцент делался на втором кодовом слове, собственно определявшем суть рассматриваемого «поколения». Соглашаясь с самой идеей, концептуальным подходом, все же обратим внимание на возможности разновариантности толкования термина: под поколением можно понимать социальное явление – «активных» людей, носителей новых идей и т. п. В равной степени это могут быть и те, кто именно формировался как личность в этот период, а также кто принимал активное участие в происходившем и кто был только захвачен потоком перемен («жертвы»). А можно понимать всех, живших в рассматриваемые временные рамки. Возможно и некоторое «сужение» проблемы – многообещающим нам кажется направ-

¹ Howe, Neil; Strauss, William. Generations: the history of America's Future. 1584 to 2069. New York, 1991. 538 p.

² Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 7-14.

ление изучения поколения крестьянства¹. Если начать вникать в идеи и представления людей одного периода (поколения), то вполне возможно выделение внутри такового, условно говоря, «субпоколений» (по аналогии с субкультурами) или «мини-поколений». Просто в качестве примера: молодые люди 1898 и 1899 гг. технически, очевидно, одного поколения – при разнице в возрасте на один год. Но родившиеся в 1898 г. в 1917 г. попадали на войну (было призвано более 600 тыс.). В итоге они влились в ту социальную группу, которую принято именовать фронтовиками. Фронтовики явно отличались от невоевавшей молодежи.

Как видим, возможных подходов много; в принципе все они интересны, каждый по-своему, и основное различие, на наш взгляд, кроется прежде всего в информационных возможностях источников. В самом деле, вопрос упирается не только и не столько в анализ действий, сколько в анализ мыслей представителей какого-либо поколения. И если по активной стороне источниковая база существует *de facto*: данные извлекаемы, изучаемы и доступны анализу и обобщениям, то по внутреннему миру ситуация значительно сложнее. Исследовательский интерес – чтобы увидеть процесс изменений сознания как бы изнутри. И прежде всего здесь основные источники – личного происхождения. Субъективизм таковых отмечали и отмечают все и всегда: здесь и избирательность человеческой памяти, и воздействие атмосферы, в которой создавался источник, и понятное стремление мемуариста приукрасить свою значимость и т. д., и т. п. И едва ли не основной момент, известный любому исследователю, – возможность подборки «нужных» данных. Несомненно, что абсолютное одобрение советской власти в мемуарах и иных личных источниках, сохраняемых с советской эпохи в архивах, вызвано не только позицией мемуаристов, но и фактом не-

¹ Вязинкин А.Ю. Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии // Вопросы истории. 2022. № 7-2. С. 153-165; Его же. Крестьянский традиционализм в годы «революционного перелома» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 5. С. 1296-1303; Слезин А.А. Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей // Вопросы истории. 2022. № 8-2. С. 106-128; Слезин А.А. Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920-1930-х годов // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 8. С. 453-469.

возможности сохранения в этих архивах мемуаров с иными точками зрения.

И все же источники личного происхождения по-своему уникальны, поскольку они и только они позволяют исследователю проникнуть в сферу, которой по факту уже нет: во внутренний мир, в представления и ценности, ориентиры и пристрастия людей, которые остались в историческом прошлом. Работая с живущими людьми, социологи и политологи имеют возможность задавать уточняющие вопросы. Историки подобной возможности лишены. Но все же существует возможность получения информации не столько о событиях, о которых свидетельствовали мемуаристы, сколько о представлениях этих мемуаристов, ощущении «духа времени», выражаясь более поэтично. Только один пример. В 1927 г. оренбургский Истпарт издал стенограммы выступлений участников революции в крае на разного рода встречах с трудящимися. Там был следующий эпизод. Старый большевик Путинцев рассказывал, что во время обороны Оренбурга член партии П. Чельшев поместил в газете заявление о выходе из партии: «Мы постарались эту газету в гущу массы не пустить. По прошествии 3 дн. назначили суд над Чельшевым П. [...] Мы трое настаивали на его расстреле»¹.

Рассмотрим архивные возможности по обеспечению источниковой базы для темы «поколения» на примере материалов отдельно взятой области – Оренбургской.

Собирание личных источников в Оренбуржье на протяжении достаточно долгого времени ограничивалось сбором воспоминаний. Первоначально, как и повсеместно, этим делом занимался Истпарт, ставивший перед собой достаточно конкретные задачи. Точно такими же, как и повсеместно, были проблемы: отсутствие кадров, опыта, четкого понимания способов решения этих задач. Вероятно, схожими были результаты: просветительские задачи ставились во главу угла, в ущерб научности собираемых источников, и в итоге информация из документов, сведения из мемуаров, собственные наблюдения и додумывания авторов компилировались в малонаучные повествования, более публицистического типа, но вполне в рамках тогдашних требований к публикациям на революционную тематику. Прозвучавший ненавязчивый, но убедительный совет вождя обратиться к мемуарам как основным источникам в

¹ Пролетарская революция в Оренбурге. X лет. Оренбург: Истпарт, 1927. С. 52.

повествованиях о революции и Гражданской войне, на первый взгляд, не мог не повысить резко интерес к ним и потому обязан был стимулировать собирание и использование таковых. Однако мемуары были нужны не любые, а пригодные и удобные для использования. Рамки были установлены знаменитым «Кратким курсом», расставившим нужные акценты и давшим «правильные» оценки происходившего. На ситуацию именно в Оренбургском крае повлиял еще один важный фактор: абсолютное большинство активных «делателей» революции в Оренбуржье к этому времени исчезли, будучи репрессированными¹. Первая книга о Гражданской войне в Оренбуржье вышла в 1939 г.² Ее автор, А.Я. Борисов, ввел в повествование некоторые цельные мемуарные рассказы, даже обозначив их отдельными главами. Впрочем, от манеры пересказа авторских текстов мемуаров он не отказался. Проверка текстов этой книги, сделанная нами, показала весьма вольное обращение с используемыми воспоминаниями. Под влиянием «Краткого курса» оценки в книге были соответствующими. Под влиянием упомянутого выше регионального фактора имена репрессированных исчезли, а повествование, сделанное ими, осталось. Просто мемуарные тексты превратились в безликие рассказы. Таким образом, основная канва общего повествования о революции и Гражданской войне в крае была основана фактически на мемуарах, только как бы без мемуаристов. В середине 1950-х гг. А.Я. Борисов, будучи на тот момент директором областного краеведческого музея, выступил с инициативой нового сбора мемуаров по области. Инициатива была поддержана директором областного госархива Г.П. Десятериком. Так, в преддверии 40-летия революции в Оренбурге возникли два центра по сбору. Собирали активно, но мало профессионально – лишь небольшая часть собранного сохранилась в подлинниках, остальное сохранялось уже в перепечатанном виде. Итогом стала достаточно большая коллекция текстов, в итоге оставшихся невостребованными, – возможное использование их несколько корректировало бы имевшуюся и широко распространенную версию событий революции и Гражданской войны в крае, а менять что-либо в ней, вероятно, было признано нецелесообразным. Кроме того, к се-

¹ Специфика ситуации для Оренбуржья – возможно, и для других регионов, но мы не располагаем данными.

² Гражданская война в Оренбургском крае: По воспоминаниям участников гражданской войны и документам. Чкалов: Обл. изд-во, 1939. 272 с.

редине 50-х годов в крае почти не осталось действительно крупных фигур тех событий, условного «первого эшелона» – практически все они разъехались, ушли на повышение в Центр еще в 1920-х – 1930-х гг., а затем погибли в условиях массовых репрессий. Текстам «врагов народа» доверия, разумеется, не было. В итоге значительную часть воспоминаний написали люди условных «второго» и «третьего» эшелонов, в массе своей рядовые участники, мало что способные дополнить непосредственно к базовому повествованию.

В свое время нами был инициирован проект по собиранию мемуаров о революции и Гражданской войне в Оренбуржье: были изучены опубликованные материалы (книжные публикации и газетные материалы), а также архивохранилища Оренбургской области и сопредельных регионов – Самарской области, Республики Башкортостан, Челябинской области. Итогом стала публикация полного каталога воспоминаний участников и современников революционных событий¹. Это позволяет нам ответственно заявлять о существовании полной картины источников личного происхождения. Принцип учета был следующий: воспоминания о революционных событиях в Оренбуржье и воспоминания оренбуржцев. Практически к началу 1970-х гг. архивы по стране завершили обмены воспоминаниями между собой, и потому можно достаточно уверенно утверждать, что все мемуары про Гражданскую войну в Оренбуржье сосредоточены в крае, хотя бы в виде копий. Во втором случае речь идет о людях, проживавших в Оренбуржье и оставивших в свое время мемуары именно в оренбургских архивах. При этом они могли оказаться в крае уже позже рассматриваемых событий, и потому их тексты поставленной задаче расширения источниковой базы повествования именно о событиях в Оренбуржье никак не способствовали и потому лежали «мертвым грузом». Теперь же при постановке иной исследовательской задачи – изучения поколе-

¹ Сафонов Д.А. Эпоха революционных перемен первой четверти XX века в воспоминаниях современников: оренбургские источники: монография / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Оренбург. гос. ун-т». Оренбург: ОГУ. 2021. 311 с. Тему пришлось брать несколько расширительно, поскольку не все авторы ограничивались рассказом о своем участии в Гражданской войне, при возможности затрагивая события первой революции и более поздние годы, вплоть до участия в Великой Отечественной.

ния – ценность их значительно возросла. Кроме того, собственно тексты воспоминаний нередко имели сопутствующие материалы – приложенные копии справок, биографические данные и т. п. Иногда работники музея вступали с потенциальным автором в переписку, задавали уточняющие вопросы. Наиболее эффективно в этом направлении работал коллектив Орского краеведческого музея под руководством Т.Г. Черкас. Под ее постоянным контролем не один десяток лет велась большая работа по уточнению и перепроверке фактов, сообщаемых мемуаристами. «Орская коллекция» содержит серьезный пласт документов личного происхождения, являющихся условным дополнением к мемуарам и потому мало оцененных ранее. В названном каталоге подобные источники отражены.

Таким образом, современным исследователям доступна не только информация о существующих в Оренбуржье коллекциях мемуаров, но практически обо всех наличествующих в архивах источниках личного происхождения, не являющихся мемуарами в собственном смысле слова, но несущих информацию об их авторах. Эти «вспомогательные» по отношению к мемуарам источники имеют свою особую ценность. По сути, можно говорить о естественной выборке источников, дающих ценные сведения для понимания внутреннего мира «поколения революции».

Уже упомянутые выше В. Штраус и Н. Хау полагали, что поколение можно идентифицировать, если оно соответствует трем критериям: представители одного поколения разделяют одну историческую эпоху, сталкиваются с одинаковыми ключевыми историческими событиями; разделяют определенные общие убеждения и модели поведения и чувство принадлежности к данному поколению¹. Здесь хочется поделиться наблюдением. Возрастные различия внутри поколения, ощутимо присутствующие поначалу, со временем практически стираются, становятся почти неуловимыми. Достаточно обратиться к мемуарам, разумеется, неопубликованным, поскольку в советских публикациях они подвергались серьезной редакторской правке². Основной массив воспоминаний – вторая половина 1950-х гг. У авторов в массе своей схожие лексиче-

¹ Howe, Neil; Strauss, William. Generations... P. 58-68.

² Зная ситуацию с публикациями «оренбургских» мемуаров, ответственно можем говорить только про них. Однако понимание реалий того времени и издательских правил позволяет допускать если не всеобщность, то распространенность наблюдения.

ские формулы, оценки, стремление доказать свою сопричастность к поколению, боровшемуся за установление власти Советов. Как известно, временной разрыв между событиями и их описанием по мере его увеличения серьезно влияет на повествование. Личные данные биографического характера менее подвержены субъективной трактовке. Использование исследователями имеющихся в доступе источников личного происхождения позволяет не ограничиваться мемуарами и изучением событий революции и Гражданской войны, а осваивать новые направления, такие как «поколение революции».

УДК 94(47)

DOI: 10.18287/978-5-6049622-0-6-2023-44

*Семенова Е.Ю.*¹

**ЛИЧНЫЙ ФОНД Н.Н. МЯСОЕДОВА:
ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ
В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ И ТРАДИЦИОННЫХ
ПРОБЛЕМАТИК ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

(г. Самара)

В данной статье рассматриваются материалы из фонда 409 Государственного архива Саратовской области, включающего в том числе переписку и дневниковые записи Николая Николаевича Мясоедова, в частности переписку Н.Н. Мясоедова с супругой, братьями, другими родственниками, переписку его родственников. В статье исследованы тематики, позволяющие привлекать материалы фонда в качестве документов, отражающих вопросы истории повседневности, исторической биографии, истории ментальности, гендерной истории, локальной истории (в том числе Поволжья, Саратова, Нижнего Новгорода). Также автор выявил возможность обращения к данным материалам в исследованиях социально-экономической и общественно-политической проблематики периода начала XX века и Первой мировой войны.

Ключевые слова: источники личного происхождения, Н.Н. Мясоедов, Первая мировая война, Поволжье.

¹ Семенова Е.Ю. – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет; старший научный сотрудник отдела истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, dashka129k@yandex.ru